

<sup>16</sup> Лавринович М. Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 24, 236.

<sup>17</sup> См.: Dickson P. G. M. Finance and Government under Maria Theresia 1740–1780. Oxford, 1987.

<sup>18</sup> Balázs É. N. Hungary and the Habsburgs 1765–1800: an Experiment in Enlightened Absolutism. Budapest, 1997. P. 236–246.

<sup>19</sup> Мумрофанов П. История Австрии. СПб., 1910. Ч. 1. С. 126.

<sup>20</sup> Epstein K. The genesis of German Conservatism. Princeton, N.J., 1966. С. 403

<sup>21</sup> См. Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.

<sup>22</sup> Об этом Екатерина II серьезно размышляла в 60-е годы XVIII в. См.: Семеновский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II: в 2 т. СПб., 1881–1901; Он же. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века : в 2 т. СПб., 1903.

<sup>23</sup> Бартлетт Р. Поселение иностранцев в России при Екатерине II и проекты освобождения крепостных крестьян // Европейское Просвещение и цивилизация в России. М., 2004. С. 261.

А. С. Ряжев

### ПАПСТВО В ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКЕ ЕКАТЕРИНЫ II (ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

Вероисповедная политика «просвещённого абсолютизма» – актуальный вопрос русской политической истории XVIII в. Ныне изучение этого вопроса немыслимо без внимания к целому ряду политико-дипломатических аспектов, возникшему в связи с зарубежной активностью государства при Екатерине II. Одним из важных направлений здесь было отношение к папству<sup>1</sup>. Интерес к нему в историографии впервые проявился более двухсот лет назад, но все трактовки оказывались более или менее тенденциозными и вращались вокруг отдельных сюжетов, обозначенных, прежде всего, в клерикальной литературе Нового времени. Между тем необходимо охватить проблематику папской дипломатии Екатерины II в 60–90-е гг. XVIII в. в целом, что и составляет задачу настоящей работы.

Разрешению указанной задачи способствуют материалы переписки между Екатериной II и папой Пием VI, а также связанный с ними комплекс документов коллегии иностранных дел (далее – КИД). Источники, датируемые последней четвертью XVIII в., отложились в Архиве внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), в фондах 78 («Сношения России с папами») и 79 («Сношения России с Польшей»). Оба фонда хорошо знакомы исследователям, и тем больше значение находок, дающих подробную характеристику контактов Екатерины II с папами – правителями Рима в годы её царствования. Изученные документы, впрочем,

слабо охватывают такие вопросы русско-папских отношений того времени, как сохранение Екатериной II ордена иезуитов и судьба Острожского майората, включая визиты в Россию мальтийского кавалера К. Саграмо-зо, но это обстоятельство в данном случае искуплено хорошей изученностью обоих сюжетов в историографии и доступностью целого ряда соответствующих источников<sup>2</sup>.

Интерес Екатерины II и пап к общению был взаимным, хотя по предмету и различным. В политике монархии важность имел «диссидентский вопрос» в Польше и Литве, связанный с религиозными и политическими правами тамошних некатоликов, или «диссидентов», как их называли польско-католические власти – православных и протестантов, и, прежде всего, некатолической шляхты. Врагами «диссидентов» выступали известные силы в Речи Посполитой и европейском католичестве, и Екатерина II старалась снизить поддержку этих сил со стороны пап. Для Рима мотивами являлись положение католиков и униатов в России, представительство пап при русском дворе и папские прерогативы в делах русского католичества.

Дипломатию Екатерины II во многом определял стиль её управления. На отношения с папством влияло и её личное отношение к персонам на римском троне. Эпистолярное наследие монархии говорит о том, что папы-современники её уважением отнюдь не пользовались. Климент XIII (К. Реццониго) вызывал у Екатерины II одно лишь раздражение, Климент XIV (Дж. А. Ганганелли) – откровенное презрение, Пий VI (Дж. А. Браски) – сдержанную снисходительность, и подобные настроения императрицы порою просвечивали даже сквозь покров дипломатического этикета.

Определённые круги католической среды связывали с воцарением Екатерины II свои надежды, имея ввиду её участие в делах католиков Санкт-Петербурга в бытность великой княгиней. Собственно Рим проявлял более осторожности, памятуя о том, что участие и обернулось развитием конфликта в католической общине северной русской столицы в конце 1750-х гг.<sup>3</sup> Вместе с тем в «диссидентском вопросе» папство стояло на последовательной антирусской позиции, и в столкновении с линией Екатерины II это усилило недовольство Климента XIII.

Отношения ещё более ухудшились в связи с высылкой из России в 1766 г. супериора-католика Ремедия де Прага и планами Екатерины II назначить нового супериора от кого-либо из немецких духовных курфюрстов-янсенистов в обход Рима. Свою роль сыграло и утверждение императрицей Католического регламента 1769 г., по которому многие духовные дела безоговорочно вошли в светское ведение.

Смерть Климента XIII и приход в 1769 г. нового папы Екатерина II стремилась использовать в своих интересах. Нунций в Варшаве Дуррини выступал одним из вождей ярых католиков, и монархиня желала, заменив

его, смягчить Рим в «диссидентском вопросе». В конце 1771 г. И. И. Шувалов, посол России в Риме, обратился к папе при посредничестве сардинского министра в Папской области, а затем и напрямую.

После встречи посол доносил в Санкт-Петербург, что Климент XIV, «братец Ганганелли», как называла его Екатерина II в личных письмах, готов отозвать неугодного нунция, но пока не может осуществить задуманное: он зависит от окружения, а там сильны настроения в пользу антиправославной Барской конфедерации в Польше, выразителем которых и был Дуррини. Свяжав католический фанатизм на просветительский манер с торжеством невежества и суеверий, дипломат оставил красноречивую картину обстановки вокруг папского престола: «...Папа окружён здесь сам суеверами, которые единодушно с конфедератами; и нунциус Дурини множество родных и друзей имеет, кроме известных разных дворов покровительств; Папа же имеет против себя невеж[е]ство и суеверие, а здесь все заражены почти оными болезнями»<sup>4</sup>.

Поддаваясь нажиму И. И. Шувалова, вдохновляемого Екатериной II, папа всё же дал согласие на замену Дуррини, явно не соответствовавшего видам России в Речи Посполитой, другим нунцием, но просил сохранить дело в тайне, не желая огласки среди дипломатов и в католических сферах. В этой связи папа поддерживал с послом связь по делу через своего тайного агента. Вскоре Климент XIV провёл назначение нового варшавского нунция, причём очень тихо. Вместо Дуррини в Варшаву был определён Д. Гарампи, архиепископ Бейрутский, слышавший прелатом «просвещённым» и далёким от фанатизма, и папа через Шувалова рекомендовал его русскому двору. 3 марта 1772 г. И. И. Шувалов информировал руководителя коллегии иностранных дел Н. И. Панина: «Гарампи нунциусом формал[ь]но назначен и всё к скорому его отъезду готовится...»<sup>5</sup>

В том же году Екатерина II учредила католическую епископию в России и возвела на неё каноника С. Сестренцевича. Тот встал на сторону монархини в деле о сохранении в России ордена иезуитов, закрытого папой, чем вызвал его гнев. Однако под влиянием русской дипломатии в 1773 г. Климент XIV всё же дал добро на назначение прелата, и кризис в отношениях Екатерины II с папством тогда удалось преодолеть<sup>6</sup>.

Новые осложнения возникли спустя несколько лет после первого раздела Польши и в связи с вопросом об униатской митрополии в России. В Риме уже правил папа Пий VI (в частной переписке Екатерины II он фигурировал как «папаша Браски»). Глава российских униатов И. Смогоржевский в 1779 г. перешёл на аналогичную вакансию в Варшаву. Тамошний посол России О. М. Штакельберг зазывал на освобождённую кафедру хелмского епископа М. Рылло<sup>7</sup>, но тот предпочёл обосноваться во владениях Габсбургов. Смогоржевский и Гарампи прочили в митрополиты

своего человека, но императрица рассудила иначе: в 1780 г. митрополию в управление получил Сестренцевич, а хозяйственными делами митрополии стала ведать консистория из нескольких базилиан при белорусском генерал-губернаторе.

Протесты нунция в Варшаве результатов не дали, и Пий VI, желая воздействовать на императрицу лично, начал обмен посланиями. Политический агент России в Риме аббат Пинто Полоний оставил по этому поводу свой комментарий: «Ибо как ни от статской канцелярии не оказывается никакой поступки, ниже от конгрегации распространения веры продолжается сношение с санкт-петербургским двором, то весьма вероятно, что Папа в сём случае с Её Императорским Величеством действует один и сам собою без всякого посредства»<sup>8</sup>.

В письме Екатерине II от 6 сентября 1780 г. папа указал, что решение монархини передать униатскую митрополию Сестренцевичу отрывает униатов России от «Римского сообщества», и просил выполнить просьбу Сморгжевского о преемнике<sup>9</sup>. Екатерина II ответила в декабре 1780 г. Она настаивала: в России царит толерантность, «чем всякое сомнение» о судьбах униатства «достаточно изъято да пребудет... Всякий закон Скипетр позволяет..., пока [верующие] оказывают себя достойным исполнением долга верных подданных...». Также Екатерина II потребовала дать верно-подданному Сестренцевичу за двойную работу – руководство и российскими католиками, и российскими униатами – сан архиепископа<sup>10</sup>.

В новой грамоте от 27 октября 1781 г. Пий VI согласился с необходимостью назначения в Россию католического архиепископа. Однако поставить Сестренцевича папа упорно не хотел, полагая, что поведение того в отношении Рима канонически небезупречно<sup>11</sup>. Екатерина II возражала: прелат совершал только то, что поручалось ему свыше, ибо верное подданство есть долг христианина. В данной связи, подчёркивала императрица, именно Сестренцевич наиболее достоин повышения, если же папа не согласен, то общение русской епископии с Римом будет немедленно пресечено<sup>12</sup>.

Получить вторую Утрехтскую церковь, на этот раз на востоке Европы, где и без того уже продолжал существовать формально не признающий папу орден иезуитов, и тем самым утратить престиж Пий VI не хотел. Для него письмо императрицы было вторым потрясением за короткий срок: незадолго до того, 13 октября (по новому стилю) 1781 г. вышел Патент о веротерпимости Иосифа II для реформатов, кальвинистов, лютеран, православных во всех землях Габсбургов, а в Богемии и для евреев<sup>13</sup>. Екатерина II, наверное, имела мысль на пару с Иосифом II взять смятенного папу в клещи: один из черновиков её ответа папе нёс дату 29 октября 1781 г., по новому стилю 19-го, то есть документ создавался сразу вслед за Патентом и до прихода октябрьского послания папы<sup>14</sup>. Жёсткостью от-

личался и другой, более поздний черновой вариант екатерининского ответа<sup>15</sup>. Но осторожность взяла верх: монархиня предпочла дожидаться развития конфликта Пия VI с Веной, и формулировки своего письма, ушедшее в Рим в 1782 г., значительно смягчила<sup>16</sup>.

Это принесло плоды: папа смирился. 26 апреля 1783 г. была датирована подписанная им кредитивная (верительная) грамота варшавскому нунцию Д. А. Аркетти, которому и поручалось посвятить Сестренцевича в Санкт-Петербурге в архиепископы. Миссию Аркетти в Риме определили так: лучше отступить и соблюсти видимость участия Рима в назначении Сестренцевича, нежели спровоцировать разрыв и допустить, чтобы Сестренцевич стал полновластным и независимым от Рима «папой Российской империи»<sup>17</sup>. В ответ Пий VI ждал от императрицы уступок в делах об иезуитах и униатах, но напрасно: монархиня стремилась использовать визит нунция только для нормализации обстановки в Польше и усиления там русского влияния, и отказывалась обсуждать другие дела, хотя нунций оставался в Санкт-Петербурге довольно долго – с декабря 1783 г. по июнь 1784 г. Более того, в это время Екатерина II потребовала от папы новых наград Сестренцевичу и другим её креатурам из числа доверенных католиков и униатов<sup>18</sup>.

Но и для русской стороны визит нунция прошёл не без трудностей. В тексте присяги, доставленной нунцием Сестренцевичу, стояло проклятие «схизматикам» – православным, и приносить такую присягу в России было невозможно. Посланец также не привёз прелату паллиум – знак отличия сана, вручаемый вместе с благословением папы. Однако в первом случае «просвещённая» императрица нашла выход, заменив опасный фрагмент клятвой прелата на подданство России<sup>19</sup>. Что же касается второго препятствия, то Екатерина II решила продолжить работу и добиться его снятия позже.

В декабре 1784 г. она в письме Пию VI выразила удовлетворение посвящением Сестренцевича<sup>20</sup>. Вместе с тем монархиня поручила послу Штакельбергу «внушить нунциусу, что Мы надеемся, что государь его не затруднится более прислать требуемой паллиум для нового архиепископа Нашего..., потому как паче, что противной поступок не может инако, как послужить к некоторому предосуждению Римского Стула»<sup>21</sup>.

Паллиум архиепископ получил, но папа счёл себя сильно задетым. Дабы снять осадок, летом 1785 г. монархиня направила посла Г. А. Юсупова в Рим, чтобы принести благодарность за назначение Сестренцевича. Обезоружить Пия VI не удалось: в очередном послании Екатерине II, переданном через Юсупова и датированным 1 июля 1785 г., он вновь порицал Сестренцевича, на сей раз за желание «распространять власть свою в Грузии»<sup>22</sup>.

Между тем русские власти считали, что Сестренцевич как глава исповедания начальствует по духовным делам над всеми католиками и униатами в пределах империи и, следовательно, простирает свои полномочия

и на подвластные России грузинские земли. Особую записку о вероисповедной ситуации в Закавказье, призванную снабдить Екатерину II в переписке с папой соответствующими аргументами, составил Г. А. Потёмкин<sup>23</sup>. Однако между правителями эта тема впредь не звучала, будучи оттеснённой другими, более серьёзными предметами споров.

В 1786 г. Екатерина II подняла вопрос о присвоении Сестренцевичу сана кардинала. Пий VI встретил идею в штыки: подобного отличия не полагалось прелату – урождённому некатолику, родственники коего «и по сие время остаются в кальвинском законе»<sup>24</sup>. Французская революция вынудила папу сменить тон: он был вынужден искать помощи России, и в отношении Сестренцевича поневоле вести себя более уступчиво. Письма папы Екатерине II от 25 февраля и 13 ноября 1792 г. отмечены именно подобными настроениями<sup>25</sup>.

Вместе с тем Пий VI поддерживал в Польше ярых католиков – противников разрешения «диссидентского вопроса», что не представляло секрета для Екатерины II. 20 марта 1792 г. императрица указала вице-канцлеру А. А. Безбородко: заискивания папы «...принять можно было бы с приятностью, ежели в то же время... нунций в Польше не употреблял... интриги для угнетения единоверных наших...»<sup>26</sup>. В черновиках писем Екатерина II выговаривала папе и за восстание Т. Костюшко, но света они не увидели: речь шла о кардинальстве для Сестренцевича, и потому императрица избегала открытой ссоры<sup>27</sup>.

В дальнейшем Пий VI обращался к Екатерине II ещё три раза – 24 августа 1793 г., 12 сентября 1795 г. и 29 июня 1796 г. Поводом служил третий раздел Речи Посполитой. Во всех письмах папа просил проявить милость к католикам и униатам – «новым Твоим подданным» и сохранить якобы нарушенные после раздела права Рима<sup>28</sup>. Через нунция в Варшаве он давал также понять, что поддаётся на «домогательства» о сестренцевичевом кардинальстве. Екатерина II уловила, что папа ищет через обещания добиться от неё уступок, и оставила переписку, хотя КИД и подготавливала ответы императрицы папе. Вместе с тем вопрос о производстве Сестренцевича в кардиналы был важен для монархини, и она искала его решения обходными дипломатическими путями. Трудно сказать, насколько Екатерина II смогла приблизиться к успеху, однако М. Ж. Рюэ де Журнэль и Э. Винтер – крупные знатоки русско-папских отношений, причём различающиеся по своим позициям, соглашались в том, что только смерть Екатерины II остановила производство Сестренцевича в кардиналы<sup>29</sup>.

В целом в политике Екатерины II применительно к папству господствовала тенденция сокращения его прерогатив и ущемления его интересов по сравнению с прерогативами и интересами русской монархии и Русского государства: за светскими властями оставалось решающее слово по

части собственности и управления, за папством же – лишь духовные дела. Здесь нашла своё отражение закономерность курса «просвещённого абсолютизма» в отношении религии и церкви. Показательно, что в этом плане римские правители не находили существенных отличий между Екатериной II, с одной стороны, и прочими «просвещёнными» монархами к востоку от Эльбы – Иосифом II и Фридрихом II – с другой.

Вместе с тем папская дипломатия Екатерины II имела и вполне определённую внешнюю прагматическую задачу: ослабить католическое сопротивление на украино-белорусских землях, вошедших в состав России после польских разделов, и установить связи «просвещённой» монархии с правящими и образованными сословиями этих новых территорий.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> *Ряжев А. С.* Вероисповедная политика русского «просвещённого абсолютизма»: история изучения // *История и историки: историографический вестник.* 2005. М., 2006. С. 84–85.

<sup>2</sup> *Loret M.* Kosciol katolicki a Katarzyna II 1772–1784. Krakow; Warszawa, 1910. S. 97, 108, 111–115, 225, 252–254; *Papiestwo wobec sprawy polskiej w latach 1772–1864.* Wybor zrodel. Wroclaw, 1974. S. 112–174.

<sup>3</sup> *Ряжев А. С.* Религиозные противоречия эпохи «просвещённого абсолютизма» во внешней политике Российской и Австро-Венгерской империй // *Империи и империализм Нового и новейшего времени: Сборник статей.* СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2009. С. 251.

<sup>4</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 53. Л. 3–3 об.

<sup>5</sup> АВПРИ. Ф. 78. Д. 52. Л. 1; Д. 53. Л. 1–2 об, 10, 13 об.

<sup>6</sup> *Ряжев А. С.* Просвещённое духовенство при Екатерине II // *Вопросы истории,* 2004, № 9. С. 46.

<sup>7</sup> АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 562. Л. 1–1 об.

<sup>8</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 59. Л. 86 об.

<sup>9</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 59. Д. 1. Л. 3–4 (на итальянском).

<sup>10</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 59. Л. 25–26 об.

<sup>11</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 59. Л. 5–9.

<sup>12</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 59. Л. 15–18 об.

<sup>13</sup> См.: *Weill G.* Les lettres patentes de 1784 sur les juifs d'Alsace: tolerance ou despotisme eclaire? // *La Tolerance Civile. Colloque international organisee Universite de Mons du 2 au 4 septembre 1981 a l'occasion du deuxieme centenaire de l'Edit de Joseph II.* Bruxelles, 1982. P. 202.

<sup>14</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 40–43.

<sup>15</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Л. 38 об–39.

<sup>16</sup> *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России. Т. 2. СПб., 1876. С. 33–34.

<sup>17</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/1. Д. 59. Л. 6–6 об.

<sup>18</sup> *Винтер Э.* Папство и царизм. М., 1964. С. 160–179; *Rouët de Journel M. J.* Nonciatures de Russie d apres les documents autentiques. Nonciature d'Arketti. 1783–1784. Citta del Vaticano, 1974. P. 36–64.

<sup>19</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/1. Д. 59. Л. 98–109.

<sup>20</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 111 и об.

<sup>21</sup> АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 1181. Л. 10–11.

<sup>22</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 62–63 об.

<sup>23</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Л. 66 об, 72–75.

<sup>24</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 20. Л. 5–10.

<sup>25</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/1. Д. 60. Л. 1–1 об; Толстой Д. А. Римский католицизм в России... С. 215.

<sup>26</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 149.

<sup>27</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 115–116 об.

<sup>28</sup> АВПРИ. Ф. 78. Оп. 78/2. Д. 1. Л. 181–184 об., 186 об., 189, 209–210 об., 213 (подлинники и копии писем на латыни и французском); Д. 155. Л. 32–34 (русский перевод письма от 12 сентября 1795 г.).

<sup>29</sup> Винтер Э. Папство и царизм...; uét de Journal M. J. Nonciatures de Russie d apres les documents autentiques... P. 36–64.

**К. Д. Бугров**

# **КОНЦЕПЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО СОВЕТА В РЕФОРМАТОРСКИХ ПРОЕКТАХ Н. И. ПАНИНА (60 – 80-е гг. XVIII в.): ИСТОЧНИКИ АРГУМЕНТАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

Изучение политического наследия Н. И. Панина до сих пор во многом основывается на устойчивой историографической традиции, говорящей об извечном противостоянии «правовых» и «абсолютистских» начал в истории России. В рамках этой традиции акцентируется «ограничительный» характер политических предпочтений Панина<sup>1</sup>, связанный с попытками ограничения власти монарха «аристократическими институтами»<sup>2</sup>. Именно такой «институцией» признается Императорский совет, состоявший из ряда сановников с отраслевой специализацией и императорских советников с правом совещательного голоса, который Панин предложил Екатерине II в 1762 г.

Как отмечал отечественный медиевист Ю. П. Малинин, в европейском средневековом религиозном сознании «совет» относился к числу «семи даров Святого Духа, представление о которых было почерпнуто из ветхозаветной книги пророка Исаии (XI, 2–3)». Понятие «совет» было, по мнению исследователя, «одним из тех универсальных средневековых понятий, силу которым придавали все течения мысли, начиная от сугубо богословской и кончая политической»: «В конечном счете, “совет” как дар св. Духа, или “дух совета” именно в том и проявлялся, что человек, наделенный им, по всем, по крайней мере важным, делам советовался с кем-либо»<sup>3</sup>.

Особенно важно, что в этом универсальном представлении о «совете» как «качестве, достоинстве человека», «атрибуте мудрости и благоразумия», присутствовал и политический аспект: «Совет считался главным